

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 39. «Снова свет сошёлся клином. Снова
пламя до небес»

Выпуск № 465

Анна Ахматова

.....

Я знаю, с места не сдвинуться
От тяжести Виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.

С душистою веткой берёзовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать.

А после на дровнях, в сумерки,
В навозном снегу тонуть.
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

1937

Ирина Ратушинская

Время складками ложится
И стекает по плечам.
Слышно: площадь веселится –
Ожидают палача.

Пьяны люди, сыты кони –
То ли хохот, то ли пляс...
В каждом доме на иконе
Беспощадно смотрит Спас.

Кто там в сумерках кружится?
Погоди, ещё светло!

Время петлями ложится.
Глядь – под горло подошло.

1986

Выпуск № 1262

Михаил Лермонтов

Предсказание

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830

Максимилиан Волошин

Ангел мщенья

(1906 г.)

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны чёрные – в распаханную новь

Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой – набат. Хоругвь моя – как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взращу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую – кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грёзы счастья слезами затоплю.
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.
О, камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь! я ведаю ваш счёт.
Я камни заклянута заклятьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечёт.
Скажи восставшему: Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу!
На стогнах городов, где женщин истязали,
Я «знаки Рыб» на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой – Справедливость!»
И враг прочтёт: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красоту,
И в душу мстителя вольётся страстный бред.
Меч справедливости – карающий и мстящий –
Отдам во власть толпе... И он в руках слепца
Сверкнёт стремительный, как молния разящий, –
Им сын заколет мать, им дочь убьёт отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберёт колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

Выпуск № 811

Владимир Набоков

Петербург

Он на трясине был построен
среди бури творческих времён:
он вырос – холоден и строен,
под вопли нищих похорон.

Он сонным грёзам предавался,
но под гранитною пятой
до срока тайного скрывался
мир целый, – мстительно-живой.

Дышал он смертною отравой,
весь беззаконных полон сил.
А этот город величавый
главу так гордо возносил.

И оснеженный, в дымке синей
однажды спал он, – недвижим,
как что-то в сумрачной трясине
внезапно вздрогнуло под ним.

И всё кругом затрепетало,
и стоглагольный грянул зов:
раскрывшись, бездна отдавала
завороженных мертвецов.

И пошатнулся всадник медный,
и помрачился свод небес,
и раздавался крик победный:
«Да здравствует болотный бес».

1922

Максимилиан Волошин

Петроград

Как злой шаман, гася дыханье
И опоражнивая дух,
Распахивает внутрь сознания
Дверь исступлений и разрух,
И бесы ярости и блуда
В наш мир кидаются на зов,
Вопя на сотни голосов,
Творя бессмысленные чуда, —
И враг, что друг, и друг, что враг —
Меречат и двоятся... — так
Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский водит хоровод.
Народ, безумием объятый,
О камни бьётся головой
И узы рвёт, как бесноватый...
Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града —
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

1917

Выпуск № 1025

Николай Гумилёв

Мужик

В чашах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и тёмных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот – светлы и мраки,
Посвист разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он – Боже, спаси! –
Обворожает царицу
Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, –
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись – о горе! –
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясённой столицей
Выстрелы, крики, набат;
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.

"Что ж, православные, жгите
Труп мой на тёмном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?"

В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов".

1918

Максимилиан Волошин

Трихины

"Появились новые трихины" ...
Ф. Достоевский

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремёсла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут – мор, голод и война.
Ваятель душ, воззавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят,
Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что мир спасётся красотой, что каждый
За всех во всём пред всеми виноват.

1917

Выпуск № 1388

Иван Бунин

Москва 1919 года

Темень. Холод. Предрассветный
Ранний час.
Храм невзрачный, неприметный,
В узких окнах точки желтых глаз.

Опустела, оскудела паперть.
В храме тоже пустота.
Чёрная престол покрыла скатерть
За завесой царские врата.

В храме стены потом плачут,
Тусклы ризы алтарей.
Нищие в лохмотья руки прячут,
Робко жмутся у дверей.

Темень, холод, буйных галок
Ранний крик.
Снежный город древен, мрачен, жалок,
Нищ и дик.

1919

Анна Ахматова

Н. Рыковой

Всё расхищено, предано, продано,
Чёрной смерти мелькало крыло,
Всё голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днём дыханьями веет вишнёвыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, –

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам,
Никому, никому неизвестное,
Но от века желанное нам.

1921

Максимилиан Волошин

Святая Русь

А. М. Петровой

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко –
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой да силой бранной
Не была ль ты самую желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любви –
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог.

Быть царёвой ты не захотела –
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развей да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть – холопам, силу – супостатам,
Смердам – честь, изменникам – ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,

След босой ноги благословляя, –
Ты – бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

1917

Выпуск № 818

Марина Цветаева

А потом поили мёдом,
А потом поили брагой,
Чтоб потом, на месте лобном,
На коленках признавалась
В несодеянных злодействах!

Опостытели мне вина,
Опостытели мне яства.
От великого богатства
Заступи, заступник – заступ!

1918

Ирина Ратушинская

Государь-император играет в солдатики – браво!
У коней по-драконьи колышется пар из ноздрей...
Как мне в сердце вкипела твоя оловянная слава,
Окаянная родина вечных моих декабрей!
Господа офицеры в каре индевеют – отменно!
А под следствием будут рыдать и валяться в ногах,
Назовут имена... Ты простишь им двойную измену,
Но замучишь их женщин в своих негашёных снегах.
Господа нигилисты свергают святыню... недурно!
Им не нужны золотые кумиры – возьмут серебром.
Ты им дашь в феврале поиграть с избирательной урной
И за это научишь слова вырубать топором.
И сегодня, и завтра – всё то же, меняя обличья, –
Лишь бы к горлу поближе! – и медленно пить голоса,

А потом отвалиться в своём вурдалачьем величье
Да иудино дерево молча растить по лесам.

1982

Юлий Даниэль

А может, лучшая победа... *(Цветаева)*
Я стал умён... *(Пушкин)*

А вдруг вот так приходит зрелость,
Когда впотьмах спасенья ищем:
«Мне автором прослыть хотелось...» —
Твердит испуганный Радищев.

Когда на торную дорогу
Впотьмах бредём, себя жалея:
«Земля недвижна... грешен Богу...» —
Петляет голос Галилея.

А вдруг вот так приходит смелость —
Хитрить, не трусая непочёта:
Ведь то, что как-то раз пропелось,
Уже не спишется со счёта.

А вдруг разумна Божья милость:
Мы все в ничто пустое канем,
Но то, что как-то воплотилось,
Не зачеркнётся покаяньем!

...Но, вспоминая в час вечерний
Про всё про то, что днём сказали, —
Как жить нам после отречений?
Какими нам истечь слезами?

Что думать жесткими ночами
О сбереженной нами жизни,
Когда страницы за плечами
В немой застыли укоризне?

Выпуск № 1205

Варлам Шаламов

Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.

Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землёй.

Бахыт Кенжеев

Было: мёдом и сахаром колотым –
чаепитием в русском доме, –
тонким золотом, жаром и холодом
наше время дышало во тьму,
но над картой неведомой местности
неизвестная плещет волна –
то ли Санкт-Петербург и окрестности,
то ли гамма в созвездии сна –
и окошки пустые распахнуты
в белокаменный вишневый сад,
где игрок в кипарисные шахматы
на последний играет разряд.

Пусть фонарь человека учёного
обнажил на разломе эпох,
что от белого неба до чёрного
только шаг, только взгляд, только вздох –
пусть над явной космической ямой,
где планета без боли плывёт,
золотою покрыт амальгамою
крутокупольной истины свод –
пусть престол, даже ангелов очередь –
но учителя умного нет
объяснить это сыну и дочери,
только свет, улетающий свет.

Вот и всё. Перебитые голени
не срастутся. Из облачных мест
сыплет родина пригоршни соли на
раны мёртвые, гору и крест,
на недвижимую тень настоящего
– костяного пространства оскал, –
отражения наши дробящего
в бесконечной цепочке зеркал.
Утро близится. Уголья залиты.
Поминальные свечи горят.
На каком ледяном карнавале ты,
брат мой давний, бестрепетный брат?

Максимилиан Волошин

Северовосток

"Да будет Благословен приход твой,
Бич Бога, которому я служу,
и не мне останавливать тебя".

*Слова св. Лу, архиепископа Турского,
обращенные к Атилле*

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперёк.
Рвёт и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Чёрный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоёмов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распустьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль – на северо-восток.
Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:

В этом ветре вся судьба России –
Страшная безумная судьба.

В этом ветре гнёт веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах – дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперёд через столетья
Вопреки законам естества –
Тот же хмель и та же трын-трава.
Ныне ль, даве ль – всё одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спёртый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров.

Сотни лет тупых и зверских пыток,
И ещё не весь развернут свиток
И не замкнут список палачей,
Бред Разведок, ужас Чрезвычайек –
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами –
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идём по ледяным пустыням –
Не дойдём и в снежной вьюге сгинем
Иль найдём поруганный наш храм, –

Нам ли весить замысел Господний?
Всё поймём, всё вынесем, любя, –
Жгучий ветер полярной преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя.

1920

Выпуск № 834

Николай Рерих

В танце

Бойтесь, когда спокойное придёт
в движенье. Когда посеянные ветры
обратятся в бурю. Когда речь людей
наполнится бессмысленными словами.
Страшитесь, когда в земле кладами
захоронят люди свои богатства.
Бойтесь, когда люди сочтут
сохранными сокровища только
на теле своем. Бойтесь, когда возле
соберутся толпы. Когда забудут
о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. И легко исполнят
угрозы. Когда не на чем будет
записать знание ваше. Когда листы
писаний станут непрочными,
а слова злыми. Ах, соседи мои!
Вы устроились плохо. Вы всё
отменили. Никакой тайны дальше
настоящего! И с сумою несчастья
вы пошли скитаться и завоевывать
мир. Ваше безумие назвало самую
безобразную женщину – желанная!
Маленькие танцующие хитрецы!
Вы готовы утопить себя
в танце.

1916

Александр Блок

Голос из хора

Как часто плачем – вы и я –
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмёшь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть – далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Ещё века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать –
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать –
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...
Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

1910-1914

Выпуск № 776

Арсений Тарковский

Тот жил и умер, та жила
И умерла, и эти жили
И умерли; к одной могиле
Другая плотно прилегла.

Земля прозрачнее стекла,
И видно в ней, кого убили
И кто убил: на мёртвой пыли
Горит печать добра и зла.

Поверх земли метутся тени
Сошедших в землю поколений;
Им не уйти бы никуда
Из наших рук от самосуда,
Когда б такого же суда
Не ждали мы невесть откуда.

1975

Лариса Миллер

Идёт безумное кино
И не кончается оно.
Творится бред многосерийный.
Откройте выход аварийный.
Хочу на воздух, чтоб вовне
С тишайшим снегом наравне
И с небесами, и с ветрами
Быть непричастной к этой драме,
Где всё смешалось, хоть кричи,
Бок о бок жертвы, палачи
Лежат в одной и той же яме
И кое-как и штабелями.
И слышу окрик: «Ваш черёд.
Эй, поколение, вперёд.
Явите мощь свою, потомки.
Снимаем сцену новой ломки.»

1987

Выпуск № 646

Анна Ахматова

Отрывок

.....
О Боже, за себя я всё могу простить,
Но лучше б ястребом ягнёнка мне когтить
Или змейй уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не сметь поднять глаза к высоким небесам.

1916

Даниил Андреев

Ещё, в плену запечатанных колб,
 Узница спит – чума;
В залах – оркестры праздничных толп,
 Зерно течёт в закрома...
Кажутся сказкой – огненный столп,
 Смерть, – вечная тьма.

Войн, невероятных как бред,
 Землетрясений, смут,
В тусклом болоте будничных лет
 Выросшие – не ждут...
Жди. Берегись. Убежища нет
 От крадущихся минут.

Пусть – за гекатомбами жертв
 Будут стужа и лёд,
И тем, кого помилует смерть,
 Жизнь отомстит... Вперёд!
Мир в эту хлещущую водоверть
 Бросится, как в полёт

Вдребезги разобьётся скрижаль
 В капищах наших дней.

Страшно – раздора ль? войны ль? мятежа ль?
Горшее у дверей!
Только детей неразумных жаль
И матерей.

1937

Выпуск № 1278

Анна Ахматова

Чем хуже этот век предшествующих? Разве
Тем, что в чаду печали и тревог
Он к самой чёрной прикоснулся язве,
Но исцелить её не мог.

Ещё на западе земное солнце светит
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят.

Лариса Патракова

У прошлого нам хлеба не украсть –
Мы все кормились от его печалей...
Нас целовала тёмными ночами
Всеобщей боли сказочная власть.
И с каждым днём был этот хлеб сытней,
И ароматней на замесах крови...
Мы все любили сладость общей боли,
Ещё сейчас тоскуем мы о ней...
А радость билась жилкой на груди,
Да горький плач младенца так был светел,
Что страшно было это вдруг заметить
И догадаться: Бог на нас глядит!..

Выпуск № 874

Лариса Миллер

Тлело. Вспыхивало. Гасло.
Подливали снова масло.
Полыхало пламя вновь.
Полыхают в душах властно
Гнев и вера, и любовь.
На просторах ветры дуют,
Тут погасят, там раздуют,
Дуют, пламя теребя.
И живут сердца, враждуя,
Негодую и любя.
Боже правый, сколько пыла
Израсходовано было
И во благо и во зло.
И давно зола остыла,
Ветром пепел унесло,
Время скрыло в домовину,
И о том уж нет помину.
Но не дремлют Бог и бес.
Снова свет сошёлся клином.
Снова пламя до небес.

1975

Зинаида Миркина

Нет, не только собор разрушен, –
Разворошены наши души.
Как разлом вековой стены –
Мысль, лишённая глубины.
Как свороченные кресты –
Дети Божьи без высоты.
Мы ломали и мы кричали,
А над морем – всё те же дали.
Мы разрушили, кто что мог,
А над хаосом – тот же Бог.